Падение Хана

Автор:
Ульяна Соболева

Падение Хана

Ульяна Павловна Соболева

Монгольское золото #4

Я увидела его на ринге. Жуткого монстра по кличке Хан. Когда он вдруг заметил меня и назвал другим именем, мне стало страшно, а когда выкупил у моих приемных родителей, я поняла, что теперь попаду в самый настоящий Ад… Потому что я… не могу быть ею. Его мертвой женой Ангаахай. И только по ночам мне снится белая лебедь…

4-я часть серии «Монгольское золото».

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Падение Хана

Предисловие

Он смотрел, как птичка надевает голубое платье и застегивает мелкие пуговки на груди, и выдохнул с горечью. Ему было завидно. Он ненавидел эти чертовые

пуговицы и хотел быть ими, стать перламутровой пластинкой и быть пришитым там, возле ее сердца, чтобы постоянно касаться собой нежной, атласной кожи. Не утерпел, стянул с плеча тонкую ткань, обнажая нежную руку и кусочек слегка выпирающей лопатки с маленькой родинкой. Жадно накрыл ее губами, провел по ней языком. Ему вдруг подумалось о том, что, когда они вернутся, он сосчитает все ее родинки и выбьет на груди их количество, чтобы никогда не забыть.

– Ненавижу, когда ты одеваешься… – прошептал и слегка прикусил плечико.

– Мы вернемся, и ты меня разденешь. – проворковала она и улыбнулась. В груди защемило, и он сцапал ее в объятия, как всегда, чувствуя себя огромным медведем рядом с ней.

– Я не знаю, чего хочу больше – раздеть тебя или отыметь прямо в одежде.

– Какая разница? – спросила и сама коснулась губами его губ. – Если ты во мне!

– Никакой.

– Мамииимамимами.

Дверь в спальню открылась, и вошел маленький Лан, Эрдэнэ с младенцем Галем на руках.

– Братик проголодался. Его нужно накормить.

Гал Гэрэл. Так он назвал сына. Ведь малыш родился со светлыми волосами и синими глазами. Только разрез глаз был таким, как у Хана. Огонь и свет. Так звали самого младшего Дугур-Намаева.

Плотоядно смотрел на оголенную грудь и ждал, пока жена покормит сына. Расцелует обоих сыновей в пухлые щеки, и подумал о том, что он нахрен слишком счастлив. Что это настолько больно…настолько страшно быть счастливым, и кажется, он сдохнет от переполняющих его эмоций. Страшно, что счастье – это всегда ненадолго. Страшно, что нельзя это счастье спрятать, повесить на нем замок и никогда не выпускать. Чтоб никто не тронул даже

взглядом.

Он пообещал ей, что покажет, как добывает золото. Новая шахта «Ангаахай Алт» открылась сразу после рождения Гала и была подарена ей лично.

– Ты теперь золотая королева, Ангаахай.

– Я всего лишь жена Хана. Зачем мне золото, если у меня есть ты и наши дети?

– Шахта твоя. И все золото, которое она принесет, твое.

– Тогда покажи ее мне…Отвези меня туда и покажи, как там добывают мое золото. Хочу увидеть своими глазами. Покажешь?

И он отвез. Сам лично надевал ей на голову каску с фонариком, застегивал на ней жилет и смеялся, когда она неуклюже залезала в клеть, которую опустят на несколько сотен метров вниз. Смелая девчонка. Вспомнил, как мать Эрдэнэ боялась даже приблизиться к рудникам.

– Я спущусь в самый ад? Ты ведь спустишься вместе со мной? Я буду ждать тебя на самом дне земли!

– Куда-куда, а в ад я тебя одну точно не отправлю. Глазом моргнуть не успеешь, как я последую за тобой.

Засмеялась, махнула ему рукой, и клеть быстро понеслась вниз. А у него в памяти осталось ее счастливое лицо, широко распахнутые глаза и прядка золотых волос, выбившаяся из-под каски.

Это случилось молниеносно. Едва клеть остановилась внизу. Раздался адский треск, содрогнулась земля, и столп пыли поднялся вверх. Шахту завалило…

Его хриплое и разрывающее небо «НЕТ» оглушило сильнее взрыва.

Тело Ангаахай так и не нашли. Его там не осталось. Оно превратилось в порошок и смешалось с землей, золотом и грязью. После удара такой силы ничто живое не сможет выжить. А он не верил…Он пытался достать хотя бы что-то…

Больше недели он ползал там и грыз эту землю зубами, разгребал ее скрюченными пальцами с сорванными ногтями. Плакал и орал, выл, как обезумевшее животное…Домой вернулся почти седым стариком с сорванным голосом и сломанными пальцами.

Он оставил ее там, свою Ангаахай. Оставил свое личное бесценное золото под землей вместе со своим сердцем и со своей душой. Тамерлан умер.

Глава 1

Сны не должны сбываться, они должны оставаться снами, а не становится ужасающей реальностью, способной взорвать мозг и свести с ума

Ульяна Соболева. НЕ люби меня

Я открыла глаза, снова закрыла и опять открыла. Что-то мешает. Тушь для ресниц сделала их невыносимо тяжелыми, и мне ужасно хотелось умыться.

– Красиваяяяя.

Голос названой сестры заставляет отвлечься от созерцания своего отражения.

– Да, думаешь?

– Вижу.

– Не знаю…После аварии мне кажется, что я как-то не так выгляжу. И я совершенно не помню, откуда у меня эта татуировка.

Посмотрела на свою лопатку через зеркало и потрогала кончиками пальцев розу.

– Ну знаешь, Дин, после аварии и не удивительно, что не помнишь. Мы сделали ее за месяц до. И выбирали ее вместе. Тебе же нравятся красные розы.

– Ладно…, – я посмотрела на свою названную сестру и улыбнулась ей. – Красивой сегодня должна быть ты, а не я. День Рождения у тебя.

– Ну мы по-разному красивые. Я – брюнетка, ты – блондинка. Юг и Север. Но наши восточные мужчины слюнями на тебя исходятся.

– И на тебя тоже!

Она засмеялась, и на ее смуглой щеке заиграла ямочка. Раскосые глаза Туяа были довольно большими и красивыми. Так как мы жили не в Монголии, ее называли Аллочкой. В честь Аллы Лугачевой – знаменитой эстрадной певицы.

– Ты уже собралась? Помнишь, куда мы едем?

Выдохнула и отвернулась обратно к зеркалу.

– Ну не надо так сразу дуть губы. Ради меня! Это же сам Хан! Сам Тамерлан Дугур-Намаев! Достать билет на его бой, да еще в первом ряду! Ты чтоооо!

Кто не знает одного из самых богатых людей планеты, чокнутого психа, который несмотря на все свои богатства продолжает выходить на ринг и драться за огромные деньги. Чудовище безжалостное и циничное, жестокое настолько, что каждая клеточка тела содрогается от осознания, что такие звери могут реально жить среди нас. В отличие от Аллы меня этот монстр не восхищал, и смотрела я на него с огромным содроганием.

Страшный, огромный орангутанг, которого с натяжкой можно назвать человеком. Говорят, человеческий облик он утратил, когда погибла его жена. Два года назад. Но я не верю, что и раньше в нем было что-то хорошее…Такими рождаются. Нелюдями.

А скольких убил он сам, над сколькими зверски издевался…Что за фанатичная любовь к садистам. И вдруг перед глазами возникло странное видение…Оно появилось из ниоткуда.

Широкие двойные двери торжественной залы распахнулись, и Епископ замолчал, а гости оглянулись, и я вместе с ними. В торжественную залу вошли странные гости. Их было человек десять. Одетых во все черное. Не русские. Они перекинулись парой слов на непонятном мне языке. Впереди всех вышагивал очень высокий мужчина, широкий в плечах настолько, что закрывал собой стоящих позади него людей. Я бы назвала его огромной черной пантерой, а не человеком. Он двигался, как смертоносное животное, и его лицо с густой бородой казалось высеченным из камня. Все черты крупные, грубые. Резко выделяющиеся надбровные дуги, широченные скулы, выступающие вперед, как и глубоко посаженные раскосые черные глаза выдавали в нем восточные корни. Он осмотрел весь зал, словно отсканировал, и перевел взгляд на нас с Пашей, а потом сел в первом ряду. В руках у него была алая роза. Он крутил ее в цепких пальцах и посматривал то на меня, то на моего жениха. Когда взгляд его жутких глаз останавливался на мне, я слегка вздрагивала. В них не отражалось ничего, кроме глубокого мрака и какого-то кровожадного голода, способного умертвить все живое вокруг.

Он пугал. От него исходил запах опасности, запах смерти. Как будто эта свадьба легко могла стать похоронами, если только он этого захочет.

– Хан пришел.

– Видели? Он вернулся.

– Говорили, что он мертв, разве нет?

***

Как я осталась сиротой помнила только из рассказов Шамая и Луси. На нас вылетел грузовик с пьяным водителем. Мама с папой погибли, а я лежала долгое время в коме. Меня вытащили с того света… Господин Борджигин Сансар помог нам. Оплатил для меня лучших врачей. Около года, а то и больше, я лежала под капельницами и была вроде растения.

Алла подошла ко мне и поправила прядь моих волос мне за ухо, погладила меня по щеке.

– Пойдем посмотрим на бой. Ради меня. Пожалуйста.

В голове промелькнула мысль о том, что Аллочка со мной с самого детства. Вот мы вместе играем в песочнице, вот мы на выпускном, вот она со мной в кино и…вот она у моей постели в больнице. Я всегда вспоминала именно эти кадры. Как будто у меня в голове мое личное кино…но так хорошо, когда куски своей жизни помнишь так отчетливо. Например, маму я помнила плохо и отца.

– Ради тебя. Только ради тебя.

Я провела расческой по своим длинным, золотым волосам, поправила корсаж платья и улыбнулась своему отражению. Красота досталась мне от мамы… Я ее не помню, но так говорит дядя Шамай. Жаль…нет ни одной фотографии. Все сгорело в пожаре. Даже пепла не осталось.

– Как тебе красиво в голубом. Это твой цвет. Подходит к твоим глазам и белоснежной коже.

– Не слишком вульгарно?

Алла расхохоталась.

– Ты еще не видела его чокнутых фанаток. Они придут вообще полуголые. Так что твой топ и твоя короткая юбка – верх скромности.

Лично мне так не казалось. И очень хотелось надеть что-то длинное и более элегантное.

– Ты всегда так одевалась. Посмотри на свой гардероб, сестренка. После аварии ты стала скромницей, да?

– А была шлюхой?

– Ну нет…конечно, не была. Ты разве не помнишь? За тобой ухаживали Арсений и Пашка из параллельного, а потом в универе Артем.

Конечно, я помнила и Пашку, и Артема, который ждал меня на лестнице возле универа с букетом цветов, а я прошла мимо. За свои двадцать два года я так ни с кем и не встречалась. Дядя Шамай и тетя Луси уже поговаривали, что выдадут меня замуж насильно.

– Ладно, поехали, а то опоздаем.

***

Амфитеатр был построен в стиле римских гладиаторских арен. Сам ринг обнесен сеткой и освещен ослепительно ярким светом. Мы, как назло, застряли в пробке и приехали почти под конец боя. Оставался последний раунд, и обоих бойцов вывели на ринг. Я смотрела только на Хана. Второй был мне неинтересен. Смотрела и содрогалась от ужаса. Он был огромен, как гигантская скала. Его мышцы бугрились, как выступающие камни, а длинные почти седые волосы упали на лицо, закрывая лоб…Но я видела эти зверские черты. Выступающие надбровные дуги, узкие глаза, окровавленный нос и мясистые губы. О, Боже…как же он ужасен. Мне искренне жаль ту женщину, которая окажется рядом с ним. Он же…настоящее чудовище.

– Идем быстрее! – взвизгнула Алла и потянула меня по коридору.

– Ты иди, а я возьму воды. У меня в горле пересохло.

– Давай. Только быстрее. А то на бой опоздаешь.

Я же наоборот мечтала пропустить этот бой и быстренько уехать назад. Оглянулась и снова посмотрела на ринг. Рефери поднял руки бойцов, но все скандировали только одно имя «Хаааан…Хаааан…Хааан»

Взяв минералки и расплатившись в буфете, я быстро пошла по узкому проходу между сидениями. Мое должно быть в самом первом ряду…Но протиснуться

почти невозможно. Полный зал визжащих поклонниц. Некоторые из них сдирают с себя топы и швыряют на сцену, их голые груди подпрыгивают в такт бешеной музыке, а мои щеки заливает краской. Что за вакханалия? Куда Алла меня притащила? Если Шамай узнает, куда мы пришли, он всыплет нам обоим. Зал стонет от восторга, а я подрагиваю от страха и ощущения дискомфорта. Мне все это не нравится. Воняет кровью и смертью.

Начался бой. Мне было неинтересно смотреть на сцену, я все еще пыталась протиснуться вниз к сестре, но столпившиеся поклонницы меня не пропускали. За огромные деньги их пропустили в переполненный зал, и теперь они дергались и прыгали, толкались и размахивали руками.

– Куда прешь, курица?! Здесь все занято!

Одна из фанаток меня толкнула назад.

– Я с билетом! Мне надо пройти на свое место!

– Да пошла ты! – рявкнула мне в лицо, чавкая жвачкой и толкая меня огромной грудью.

– Позвать охрану, чтобы тебя отсюда вывели? У тебя же нет билета!

– Ты самая умная?

Она толкнула меня в плечо, другая дернула за волосы.

– Вышвырну из зала, как щепку! Пошла отсюда!

Но я не собиралась отступать и оставить там Аллу одну. Завязалась потасовка, меня отталкивали назад, а я нагло продиралась вперед.

– Черт, там охрана. Сейчас эта сучка белобрысая разорется, и нас выведут!

– Протолкни ее вперед! Пусть катится на свой первый ряд!

Под шум и вопли меня просто толкнули, и я, падая, полетела вниз, через ступеньки и вылетела прямо к сетке, ударилась об нее и вцепилась руками. Ринг оказался у меня перед носом, как и двое мужчин, которые сцепились в смертельной схватке и наносили друг другу удары.

Когда сетка дернулась, Хан вдруг впился в меня своими узкими черными глазами и резко, с адской силой отшвырнул своего соперника, бросился ко мне, и его лицо оказалось рядом с моим. Отшатнуться и податься назад не получалось, меня придавили чокнутые зрители, они орали сзади и тянули к Хану руки, а он не сводил с меня взгляда.

Какое жуткое, окровавленное, перекошенное у него лицо, с широко открытым задыхающимся ртом. Всматриваясь в меня своими звериными глазами, скривившись, как от адской боли, он вдруг с ревом выдохнул:

– Ангаахай?

И снова вспышками …снова режущими осколками перед глазами.

«Он не успевает договорить, потому что Хан делает резкий выпад и двумя ногами бьет главаря прямо в грудь, переворачиваясь в воздухе и приземляясь уже с его ножом в руках. Всего два быстрых движения, и заколотый насмерть противник хрипит на полу. Трое других бросаются на Хана, но он сметает сразу двоих цепью, а в третьего швыряет нож, который мягко вонзается точно в прорезь маски. С хриплым воем, держась за рукоять, Красное железо падает на спину и дергается в предсмертных конвульсиях.

Хан прокатился кубарем по полу, выдернул нож и с диким оскалом обернулся к оставшимся двоим. Они уже не ухмыляются и не прыгают на месте. Они озадачены и крепко сжимают цепи и ножи, переглядываясь и не решаясь напасть. Один из них, тот, что в черных латах, с трудом становится на ногу. Его левое колено опухло и посинело.

Еще один удар цепью, и с громким ревом Черное железо падает навзничь. Хватаясь за выбитое колено, а Хан бросается к последнему с цепью. Они дерутся долго, не давая друг другу порезать себя лезвиями. Синее железо силен, не ранен, а Хан чувствует, как болят порезы, как ноют ребра. Он измотан, голоден и

обессилен пленом. Вот-вот острие вонзится ему в горло.

Противник со сломанной ногой ползет вперед, подкрадываясь сзади. Еще немного, и он воткнет острие между лопаток Хана, но в этот момент монгол резво поворачивает противника, сжимая его за плечи, и насаживает затылком на нож Черного железа.

Несколько секунд смотрит в лицо умирающему и отшвыривает в сторону. Делая гигантские шаги по направлению к последнему, раненому бойцу в черной маске. Тот пятится назад.

– Не надо. Проиграл. Признаю.

Отшвырнул цепь, нож и поднял руки верх.

– Жизнь. Я готов заплатить. Так можно. Слышал, ты новенький. Я отдам все свои бонусы тебе. Не убивай.

– Срать мне на твои бонусы. Засунь их себе в задницу.

– Жизнь. Жизнь. Жизнь.

Скандируют на трибунах, размахивают руками. А он смотрит на них исподлобья. Окровавленный, равнодушный ко всему.

– Ничего личного. Ты просто проиграл.

Дернул цепь, ломая позвонки и бросил труп на залитый кровью пол арены.

Потом поднял вверх руки и зарычал. Толпа взревела в ответ.»

Гдеееее? Откуда этот кошмарный сон? Это видение от которой режет в висках и капает кровь из носа. Попятилась назад, одергивая юбку, чувствуя, как хватает за руку Алла и тянет на сиденье. А он продолжает смотреть на меня этим жутким взглядом так, что все тело дрожит от страха. Что ему от меня нужно? Он

же сумасшедший! Нормальные люди так не смотрят!

– Что у тебя с носом?

– Не знаю…Дай салфетку. У тебя есть?

– Есть. Держи.

Пока она ковыряется в сумке я смотрю на сцену, как завороженная. Его соперник попытался нанести удар, но чокнутый монгол на моих глазах набросился на него, повалил на пол, завязалась драка с брызгами крови в разные стороны, а я взмолилась у Аллочки уйти.

– Давай уйдем, Ал, пожалуйста, я хочу уйти отсюда! Мне страшно!

– Ты чтооо! Самое интересное впереди! Я даже ставки сделала. Маленькие, но все же! Давай досидим до конца и поедем в парк.

– Нет! Мне не интересно! Я хочу уйти! Я его боюсь!

– Та на фиг ты ему нужна. Просто с кем-то спутал.

Но я так не думала. Теперь монгол постоянно смотрел в мою сторону, и этот взгляд доводил до истерики. Когда он схватил второго борца, поднял вверх и изо всех сил швырнул на пол, глядя на меня, с диким звериным рыком. Как будто…как будто посвящал это буйство жести лично мне. Я уже видела, как на нас с Аллой оглядываются зрители, и задыхалась от странного предчувствия. Я чувствовала, как на меня именно в эту секунду надвинулся апокалипсис. Как волна на горизонте огромных размеров, и это ощущение, что нужно немедленно бежать.

На ринге продолжался бой. Фанаты вопили. Хан не дал сопернику ни единого шанса, он избивал его с дикой жестокостью, а я все же вскочила с сиденья и рванула к ступеням.

– Прости…, – крикнула Аллочке и, спотыкаясь, побежала наверх. Дождаться окончания боя мне не хотелось. И вдруг услыхала рев толпы, треск и грохот.

Обернулась и с ужасом увидела, как Хан сорвал с петель дверь решетчатого заграждения и побежал вслед за мной наверх. Фанаты заверещали, завыли, повскакивали с мест. Но он расшвырял их, как тряпичных кукол, приближаясь ко мне. От ужаса я зажмурилась и вжала голову в плечи.

Ощутила, как огромные лапы схватили меня, подняли в воздух.

– Нееет! – заорала, захлебываясь криком и пытаясь вырваться, но это не просто невозможно, а как-то жалко и бесполезно. Меня одной рукой пронесли по коридору, под всеобщий рев, под какие-то первобытные вопли и втащили в гримерку, швырнули на диван. Орангутанг с потным и окровавленным лицом навис надо мной скалой.

– Ты кто? – заревел мне в лицо. Какой же он страшный вблизи. Узкие глаза, лоснящаяся кожа, слипшиеся от пота волосы и разбитые губы. По подбородку стекает струйка крови, но ему явно плевать.

– Дддина, – ответила, задыхаясь и быстро отодвигаясь о него как можно дальше, но он схватил меня за ногу и, как цыплёнка, дернул к себе.

Пальцы сдавили мое лицо и повертели его из стороны в сторону. Он захрипел что-то по-монгольски. Я не разобрала, хотя и понимала этот язык, ведь моя приемная семья – монголы.

– Отпустите!

Но меня не слушали, он развернул мое тело на живот, дернул топ вверх к затылку, обнажая спину. Разочарованно замычал. Потрогал горячими руками кожу, заставляя содрогнуться.

– Вы обознались. Я вас..впервые вижу. Отпустите меня.

Снова к себе, задирает топ наверх уже спереди. Я пытаюсь прикрыться, но мои руки грубо отшвыривают в сторону. Осматривает меня с безумной жадностью и в то же время с какой-то болью в глазах, как будто они налились кровью и слезами. Он что-то ищет на мне и не находит, стонет.

– Я… я, может, на кого-то похожа…но я – Дина, я… я живу с родителями и сестрой я…

– Заткнись! – рявкнул, и я тут же замолчала. От страха меня лихорадит, и жутко от этой близости, от запаха пота и крови. Он настолько огромен, что мне кажется, я – букашка, и меня вот-вот раздавят.

– Хан! – в гримерку вломился какой-то мужчина. – Ты что творишь? Бой не окончен! Или ты признаешь проигрыш! Вернись на ринг!

Монгол обернулся ко мне, еще раз осмотрел всю с ног до головы.

– Выйди на ринг! Мы теряем миллионы!

Хан обернулся ко мне и хрипло сказал:

– Тут сиди! Поняла?

Я кивнула и, подтянув колени к груди, обхватила себя руками, стуча зубами, как на диком холоде. Великан тяжелой походкой вышел из гримерки, а я, задыхаясь, согнулась пополам. Так страшно мне никогда в жизни не было. Сидеть там? Сейчас! Я что самоубийца? И не подумаю! Надо бежать отсюда, и чем быстрее, тем лучше.

Распахнула дверь, помчалась по коридору, открыла окно возле туалета и вылезла наружу, придерживая свой рюкзачок, выскочила на улицу. Там меня схватила обезумевшая Алка.

– О боже! Ты цела?

– Да! Поехали быстрее отсюда!

– Поехали! Он ненормальный! У всех этих боксеров башка отбитая! Я не думала, что он за тобой ломанется!

– Я тоже не думала. Он просто больной придурок!

Мы схватились за руки и помчались к автобусной остановке. Постепенно я успокаивалась, хотя и содрогалась при каждом воспоминании о взглядах этого убийцы и о его страшном голосе. Сиплом и сорванном. Больше никогда и ни на какие бои. Забыть, как страшный сон.

Мы приехали в парк аттракционов, и уже через час я забыла о чокнутом монголе и смеялась, катаясь на карусели, и визжала, спрыгивая с тарзанки. Мы пообедали в Дакдональсе*1 и поехали кататься на лодках по маленькому озеру в парке. Аллочка счастливо улыбалась, сжимая шарики в руках, которые мы выиграли на стрельбище. Потом протянула один мне. Нас катал молодой парень, он махал веслами и то и дело поглядывал то на мои ноги, то на Алкины.

– А он запал на тебя…Это, конечно, шок, но запал.

– Кто?

– Хан! Фанатки тебя найдут и разорвут на части.

– Да пусть заберут его себе, – засмеялась я, – страшный, огромный, на обезьяну похож. Брбрбр.

– Не скажи…Хан красивый. Он мужик. От него прет тестостероном. Я бы за него…ух…Тело, как у Бога… и глаза сумасшедшие. Представь, как такой может сильно любить.

– Не могут такие любить, Алла. Такие себя любят. Он обращался со мной даже не как с вещью. А как с тряпкой.

Мы проплыли мимо клумб с цветами, и вдруг я увидела недалеко от берега красивую белую лебедь. Почему-то в груди сильно защемило, и я засмотрелась на птицу… Последнее время я часто вижу ее во сне. То она плывет по черной воде ночью и манит меня за собой, то роняет перышки и прячет голову под крыло. Тетка Аллы сказала, что лебедь – это хорошо, и меня вскоре ждет прекрасное событие. Например, сватовство. Мага – шаманка, тетя Луси и Алка ездят к ней гадать на кофейной гуще и спрашивают про сны.

– Пора домой, отец ругаться будет. Вечером будут гости.

Голос Аллочки вывел меня из оцепенения. Я все еще не могла оторвать взгляд от лебедицы. От того, как она грациозно склоняла голову на длинной шее под крыло. Нежная и прекрасная.

– Дин! Домой, говорю, пора!

– Да. Поехали домой.

Мы умудрились проехать без билетов в автобусе и под крики кондуктора спрыгнули с подножки, помахали ей рукой, а она нам кулаком. Смеясь, побежали в сторону дома. Шамай и Луси живут в небольшом частном доме в старом районе. Там все друг друга знают, и наверняка соберется куча гостей вечером. Когда подходили к дому, увидели три припаркованных черных джипа. У меня сильно сжалось сердце, и мы с Алкой переглянулись. Она открыла калитку, я пошла следом за ней. У самого дома, загораживая вход, стоят два лысых монгола в черных костюмах. Сложили руки за спиной. Гостей нет. С опаской мы зашли в дом, а когда дверь комнаты распахнулась, я чуть не закричала от ужаса.

Он сидел у нас за столом. Этот жуткий человек по кличке Хан.

---

*1 Здесь и далее наименования торговых марок, брендов заменены в связи с законом.

Глава 2

– В каждом человеке идёт борьба, очень похожая на борьбу двух волков. Один волк представляет зло – зависть, ревность, сожаление, эгоизм, амбиции, ложь. Другой волк представляет добро – мир, любовь, надежду, истину, доброту и верность. – А какой волк в конце побеждает? Старый индеец едва заметно улыбнулся и ответил: – Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь…

(с) Просторы интернета

Судорожно глотнув воздух, зашла в комнату, мама Луси тут же накинула мне на плечи кофту и цыкнула на меня с раздражением.

– Что за вид? Почему так поздно? Ты же знаешь, что гости должны приехать.

Шамай развел руками, приглашая меня. Он улыбался, но взгляд настороженный, холодный. И я не пойму – злится он или боится гостя. Но страх точно испытывали все. Мне кажется, даже псы на улице притихли. И это не удивительно. От него исходила эта аура, как от страшного хищника, который в любой момент может наброситься и разодрать.

– А вот и доченька пришла. Заходи, дорогая, присаживайся. Знакомься с гостем. Тамерлан Дугур-Намаев нас навестить решил.

Я с ужасом посмотрела на Аллу, но она не сводила взгляда с отца. Как он отыскал нас? Так быстро! Как узнал, кто я? Он что дьявол?

– У нашей Аллочки сегодня день рождения…

Начал было Шамай, но Хан, не сводя с меня глаз, быстро сказал.

– У меня нет времени. Я пришел заключить сделку. Хочу купить ее.

И показал на меня пальцем. Нет, это не походило на шутку, не походило на фарс. Этот отвратительный человек с тяжелым и страшным взглядом произнес вслух именно то, что я услышала. В моих мыслях промелькнуло, что сейчас отец вскочит с кресла, выставит его вон, что начнется скандал и…Но Шамай молчал.

– Вы делаете предложение нашей Диночке? – переспросила Луси.

– Я разве сказал, что хочу жениться? Я хочу ее купить.

Тяжело дыша, впилась совершенно ледяными пальцами в спинку стула, близкая к обмороку.

– При всем моем уважении, господин…

– Хан. Зовите меня Хан.

– При все моем уважении к вам, Хан…но ваше предложение оскорбительно для нашей семьи. Дина нам не родная дочь, но мы ее воспитали и любим, как родную. И…

– Хватит. Мне неинтересна пустая болтовня. У всего есть своя цена. У вас – товар, а я – покупатель.

Он кивнул стоящему за его спиной лысому громиле, и тот извлек из кейса золотой слиток, похожий на маленький кирпичик, и положил посередине стола. Я, кажется, побледнела еще больше.

– Здесь хватит на то, чтобы отремонтировать твой разваливающийся дом и купить еще парочку.

– Мы…мы не можем продать нашу дочь! – воскликнул отец, и я быстро закивала. У меня слов не было. Я онемела. Я не верила, что все это происходит на самом деле. Не верила, что они вот так сидят за столом и…этот ужасный недочеловек предлагает за меня золото! Как он смеет? Я же не вещь!

Хан кивнул снова, и на стол положили еще два слитка.

– Это если по-хорошему. А по-плохому завтра твой бизнес лопнет, как мыльный пузырь, и от твоего дома останется один пепел. А ее, – он кивнул на меня, – я заберу просто так и дочь твою отдам черной своре на потеху. Замуж даже за самого гнойного прокаженного потом не отдашь.

Сердце билось сильнее и больнее, и мороз шел по коже.

– Пять слитков, и подпишетесь за меня перед поставщиками сырья.

Раздался голос отца, и у меня дыхание перехватило.

– Четыре слитка, и завтра ты получишь первую сделку.

Отец кивнул, а я чуть не закричала. Дернулась назад, наткнулась на стену. Быстро качая отрицательно головой.

– Нет-нееет. Нееет!

Закричала и выбежала из комнаты, помчалась к себе. С широко распахнутыми глазами глядя перед собой и постоянно качая головой в страшной истерике, когда даже имя свое не помнишь и слова сказать не можешь. Нет…они не могли меня продать. Нет…Только не Шамай. Он же мне, как отец… я же помню себя у него на плечах с косичками и синими бантиками, помню нас с Аллой в зоопарке верхом на осликах…помню свой день рождения с огромным тортом и двенадцатью свечками.

Дверь распахнулась, и Луси склонилась надо мной.

– Собирайся, дочка, с ним поедешь.

– Нееет.

Я трясла головой и не верила, что она мне это говорит…я же ее любила, как мать. Они не могут меня вот так…так нельзя с людьми. Нельзя.

– Не надо. Пожалуйста…умоляю, не надо.

– А как нам быть? Он завтра убьет нас всех! А тебя все равно заберет! Как нам быть? У нас нет выбора! Ты же знаешь, кто он.

– А так…так умру я…

– Не умрешь. Потерпишь немного. Он потом отпустит, а мы с отцом замуж тебя выдадим за хорошего человека. Ну что нам делать, Диночка? Как быть? У Шамая сердце больное…если дом сгорит и бизнес лопнет, он не переживет. А мы с Алкой куда? Мы же женщины. Нас разве что к себе только брат Шамая возьмет и то…

– А мне…как быть мне?!

Она подняла меня за плечи и прижала к себе.

– Не знаю…мне самой страшно, но отец так решил. Он – главный в семье. Сыновей мне Бог не дал. Заступиться некому. Да и кто мы, а кто Хан? Раздавит, как мошек! А еще богат он несметно и, говорят, щедрый с женщинами. Может, и не обидит тебя.

А сама по голове меня гладит.

– Не согласишься, и все умрем.

– И ты вот так меня отдашь? Откажешься…что бы мои родители сказали? Если бы живы были?

Она отстранилась и скривилась, как от боли, как будто я ее ударила.

– Хочешь? Хочешь, откажу ему! Пойду поперек мужа? Только…только, наверное, это и будут наши последние дни!

– Нет…нет…что ты, – я посмотрела на плачущую Луси, – нет!

– Давай…беги, пока он там сидит. Беги через окно, да к тетке моей. Она денег даст на первое время. А я его отвлеку. Приглашу за стол, скажу, собираешься пока. Хочешь так?

Я молчала, а она слезы мне вытерла.

– Пойду гостей покормлю, арак принесу с погреба. Пока пить будут, оденься, деньги в копилке у нас в спальне возьми и беги. И знай…это самое большее, что я сейчас могу для тебя сделать. И спасибо не говори…Беги и молись за нас всех.

Вышла из моей спальни и дверь закрыла. А я по стене сползла на пол. Не знаю, сколько так просидела. Перед глазами опять зоопарк, опять ослики, качели. И я на плечах Шамая. На повторе. Я себя словно со стороны вижу, как волосы золотистые развеваются, как я смеюсь. На мне белое платье с рюшами.

А потом снова это жуткое лицо с узкими глазами, крупным носом и тяжелым подбородком, поросшим густой седоватой бородой. Если он меня тронет, я умру. Начала переодеваться, собирать вещи…зашла к родителям в спальню, достала из ящика стола копилку, а под ней фотография – мы там все. Луси обняла меня и улыбается в камеру, Аллочка держит меня за руку. Позади нас скромный дом, чуть покосившийся забор, и наш пес сидит, голову вбок склонил. Медленно положила снимок обратно, спрятала копилку, поставила сумку с вещами на пол и дрожащими руками пригладила нервно волосы.

Если сбегу, они все умрут…а ведь эти люди воспитывали меня, любили, растили и кормили. А я им смерть вместо благодарности? И как я с этим дальше жить буду?

Вышла, как в тумане, из спальни, прошла в зал, дверь открыла и остановилась на пороге. Хан из-за стола встал и, не прощаясь, пошел к двери, меня за локоть прихватил, за собой потащил.

– Подождите… я попрощаться хочу с семьей! Постойте!

– Не с кем там прощаться. Тебя мне, как скотину, продали.

Процедил и затолкал меня в машину. Заливаясь слезами, я прилипла к окну, ожидая, что они выйдут на улицу проводить меня. Но никто не вышел. Только ворота скрипнули и закрылись за нами. Машина быстро отъехала от дома, а я только всхлипывала и дрожала всем телом, не веря, что все это происходит на самом деле.

– На. Возьми.

Что-то больно царапнуло руку, я схватила и укололась, вскрикнула и отшвырнула от себя красную розу. Хан медленно поднял ее с пола и снова положил мне на колени. А потом отвернулся к окну. И мне стало не просто страшно, а я погрузилась в панику…

Ранее

– Дед…Когда отец приедет?

Эрдэнэ вошла в оранжерею с маленьким Ланом и Галем. Старшего из братьев она держала за ладошку, а младшего на руках. Батыр обернулся и скинул с плеча ворона, тот возмущенно каркнул и переместился на тумбу с цветами. Принялся демонстративно пощипывать острым клювом лепестки, поглядывая черными глазами то на девочку, то на хозяина.

Отвечать на вопрос Эрдэнэ не хотелось. И он отвлёкся на созерцание правнучки. Как она выросла и изменилась, как научилась двигаться грациозно и даже танцевать. Никто и не скажет, что вместо ног у нее протезы. Он ею гордился. Сколько силы воли в одном маленьком и хрупком существе. Кажется, что мужской дух спрятался в ее тельце и изо всех сил воевал с любым препятствием, преодолевая и насмехаясь над ними.

Она сильно повзрослела после смерти Ангаахай. Смерти, которая ударила по всем ним с такой силой, что они до сих пор не могут прийти в себя и подняться с земли. Особенно Хан. От него прежнего осталась только жалкая тень.

Как сильно ей удалось его изменить, маленькой русской птичке, как много всего она привнесла в их жизнь, озарила ее светом и…как жестоко этот свет погас. Настолько резко, быстро и неумолимо, что они все тут же ослепли и не знали, куда двигаться в этой темноте.

Его внук тогда с шахты так и не вернулся. Деду сообщили о гибели невестки чужие люди, как и о сумасшествии Хана, который рыл землю руками, разгребал завалы и созвал туда кучу техники. Они откопали весь котлован и даже глубже, но взрыв был такой силы, что все фрагменты тела смешались с кусками земли и камня. Для того, чтобы найти хотя бы кусочек плоти, одежды, украшений, нужно эту землю с ситом просеивать.

Хан не давал свернуть поисковые работы. Вскакивал по ночам с дикими глазами, бросался к шахте и звал работников.

– Вы что не слышите? Она там кричит. Вот там!

Падал на землю и слушал, потом выл и драл эту землю голыми руками, а все с жалостью расходились по своим вагончикам. Когда Батыр прилетел на личном

вертолете к шахте, то не узнал своего внука. Это был не человек, а какое-то загнанное, обезумевшее животное, стоящее на четвереньках у котлована, с трясущейся поседевшей головой и серым перекошенным болью лицом.

– Давай, внук…вставай. Домой надо ехать. Сыновья ждут и дочка. Хватит искать. Нет ничего. Хватит прессу кормить своей болью, хватит на радость врагам по земле стелиться.

– Как нет? Она там. Я знаю, – глаза дикие и пальцем на землю показывает, – я ее слышу. Она кричит вон там, дед. Каждую ночь слышу.

– Она кричит вот здесь.

Ткнул пальцем ему в грудь и ощутил, как у самого грудную клетку судорогой свело и придавило горем, как каменной плитой. Никогда внука таким не видел…Сильного, жесткого, волевого. Всегда казалось внутри него камень. А сейчас просто жалкое подобие человека. Изломанный, совершенно раздавленный и потерянный без нее. Как же жестока смерть. Нет, не к тем, кто уходит, а к тем, кто остается. Она корежит их жизни, выламывает им кости, выдирает наживую сердце и оставляет вечно с гниющими ранами, пока наконец-то не приберет их к рукам сама. Но сколько боли придется вынести, пока этого не случится.

– Надо устроить панихиду, сообщить прессе. Ты – Тамерлан Дугур-Намаев. Ты должен встать с четверенек и ехать домой. Тебя ждут дети.

– У меня нет дома, дед…Мне страшно туда возвращаться без нее.

Прошептал и отрицательно покачал головой, а у деда сердце сжалось еще сильнее. Не Лан это больше.

– Дом наполнится голосами твоих детей, а потом и твоих внуков. Боль со временем станет тише.

– Нееет, – он затряс грязной головой со свалявшимися испачканными комьями земли волосами, – ты не понимаешь…Я не могу оставить ее здесь. Она позовет меня, закричит, а … а я не услышу. Как вы все не слышите – она же там.

Он упал на колени и прислонился ухом к земле. Как безумный, постучал по ней кулаками.

– Моя лебедь там…одна.

Старик рывком обнял внука и попытался прижать к себе, но тот высвободился из объятий.

– Я должен ее найти.

– Дай криминалистам начать работать. Нужно узнать, почему взорвалась шахта, и кто это сделал.

Фрагменты ее ДНК нашли спустя несколько суток. Куски одежды, волосы, обрывок ногтя и сережку, нашли даже ее обручальное кольцо. В гроб насыпали земли именно оттуда, где были найдены останки, и увезли его домой. Виновных не обнаружили. Возгорание произошло внизу от проводки неподалеку от бака с горючим, припасенным для работы главного генератора. Искра вспыхнула, когда клеть понеслась вниз, и произошел взрыв. Предугадать, предотвратить все это было совершенно невозможно.

– Ты можешь наказать того, кто последним включал электричество или заправлял бак генератора.

– ЕЕ это не вернет…, – ответил хрипло, глядя на свои окровавленные грязные руки с сорванными ногтями, – она бы не хотела кому-то причинить боль. Она добрая, моя девочка…такая добрая. Дед…а ведь я мог влезть в эту клеть первым. Первым, бл*дь! А не отпускать ее туда одну!

– Мог. Но взрыв мог произойти в любое другое время. Это ничего бы не изменило.

– Мне хочется сдохнуть! Я не выдерживаю…слышишь, дед?

Он слышал. Все слышали. Эти жуткие крики, эти звуки разрываемой чьими-то руками земли, падающие комья и тихий вой.

Малышка Эрдэнэ восприняла новость с ужасающим мужеством, стиснув руки и сжав челюсти. Но это была лишь видимость. Ее доломало состояние отца. Его сумасшествие, его нежелание принять ее смерть. Он вскакивал посреди ночи и выл, тащился с бутылкой в клетку к тигрицам и падал там замертво. Он ни разу не заночевал в доме. Или там, где похоронили гроб, или с тигрицами. Немытый, грязный, вечно пьяный он не узнавал даже себя самого.

Все это время Эрдэнэ заменяла малышам мать. Она забрала их в свою пристройку и заботилась о братьях, как о своих детях. Но ей нужно и учиться, жить, думать и о себе.

Батыр призвал домой своих изгнанных дочерей. С каким злорадством они смотрели на сломанного, ползающего в земле, как червь, племянника. Батыр ощущал их триумф кожей. Но отправить обратно не мог. Детям нужно воспитание, дому нужна женская рука. Эрдэнэ не всесильная, и она слишком мала, чтобы взвалить на себя такую ношу.

– Деда…не надо. Я справлюсь. Смотри, как у меня получается. Я даже уроки успеваю делать.

Она успевала. Клала их по очереди в кроватку, пела им колыбельную, а потом до трех утра сидела над учебниками.

– Конечно, успеваешь, ты же у меня умница. Но так нельзя. Тут и по хозяйству надо. Уборка, стирка, готовка. Прислугу нанять. Со всем этим не управишься, моя пчелка. Тетки и моим домом занимались. Они опытные.

– Они…

– Они мои родные дочери. Да, не с самым лучшим характером, но все же они мои дети. И Хан их достаточно наказал. Пришло их время искупить вину и поддержать семью.

– Не нужно. Я бы и сама смогла. Я всегда Вере помогала. Она мне доверяла списки продуктов и даже садовника я нашла. Отец…не любит их, а они ненавидят отца и Веру. Пусть уезжают. Напиши им, что передумал. Мне кажется, папе уже лучше. Он даже позавтракал сегодня в столовой.

Но ночью Батыр услышал крики и выехал из своего крыла в сад. Он мчался на коляске в сторону мостика, где под фонарем стоял Хан с ружьем на плече, а перед ним, раскинув руки, Эрдэнэ.

– Не надо, пап! Не надооо! Не убивай ее! Умоляю!

– Отойди! Она тоже должна умереть!

– Нет! Слышишь, нет! Вера любила ее, кормила! Она бы никогда не позволила убить лебедицу!

– Она…она взяла и умерла сама! – взревел Хан и прицелился через плечо дочери, но она кинулась к ружью.

– Не надо, папа, не надо!

– Отойди! Пошла вон! К себе! Кто разрешал тебе выходить!

И снова вскинул ружье. Батыр поехал быстрее, чтобы вмешаться, и охрана уже была готова напрыгнуть на внука и свалить его на землю, но Эрдэнэ вдруг упала на колени и схватила отца за ноги, прижимаясь к нему изо всех сил.

– Папочка…не надо. Не стреляй в нее…а вдруг в ней душа Веры…вдруг она переселилась в эту птицу и живет теперь рядом с нами. Не убивай ее, пожалуйста…она такая красивая…такая хорошая…

Тамерлан выронил ружье и медленно осел на землю, опуская голову на грудь, а маленькие руки дочери обвили его мощную шею.

– Она всех любила, она была такая добрая, такая нежная. Она бы так плакала, если бы ты убил лебедя.

А заплакал Тамерлан. Зарыдал, обнимая девочку, пряча грязное лицо у нее на плече, и Батыр вместе с ним. Только издалека, не приближаясь. Развернул кресло и поехал обратно к себе.

***

– Когда вернется отец?

– На днях вернется.

– Галь сказал свое первое слово…Он назвал меня Энэ. Мой маленький сладииик. Скажи снова Э-нэээ!

Старик широко улыбнулся и поманил правнучку к себе. В этот момент раздался звук подъезжающей машины, и она встрепенулась, оставила Лана и бросилась с Галем на руках к окну.

– Папа вернулся! Дед! Он вернулся раньше времени!

Батыр подъехал к огромному, во всю стену окну и увидел, как внук твердой походкой идет в сторону дома. И кажется, он впервые не пьян….

Глава 3

Иногда те, кого ты знаешь долгие годы, оказываются совершенными незнакомцами. Враги очень часто слишком близко, так близко, что ты не видишь, как они спрятали за спиной нож, который готовы вонзить тебе в сердце, потому что в их глазах плескается любовь и живое участие, а на губах улыбка прячет оскал монстра.

Восемь. Знак бесконечности Ульяна Соболева

Он привез меня в какой-то дом, поблизости больше ни души. Вокруг лес или парк, я не успела рассмотреть. В голову лезут самые страшные мысли. И мне кажется, что живой я оттуда не вернусь. Ведь говорят, что у известных и богатых людей свои способы пощекотать себе нервы, и этот азиат вполне может

оказаться маньяком-психопатом.

Не зря говорят, что жилище напоминает своего хозяина. Снаружи небольшое двухэтажное здание казалось прекрасным невероятным загородным домиком, облицованным белоснежным мрамором, с такой же белоснежной крышей. Никогда в жизни не видела белой крыши…Как будто весь дом покрыт морозным узором или снегом. И несмотря на весь ужас происходящего я не могла не восхититься…но это был лишь фасад. Вскоре мне открылась и боковая часть…резко контрастирующая с высоким забором и главным входом. Недостроенное, скорее, полуразрушенное строение, серое, вывернутое нутром наружу, пугало своей холодной сердцевиной. Здесь явно никто не жил, а строительство забросили уже очень давно. Мне были видны горы материала, накрытые контейнеры с кирпичом, пустые глазницы незастекленных проемов для окон.

Ворота Хан открыл сам, поставил машину возле красивых белых ступеней, потом распахнул дверцу в машине с моей стороны и без церемоний вытянул меня наружу. Придерживая под руку, насильно повел внутрь дома. В глаза бросился высохший и заросший плющом и мхом фонтан: с одной стороны – белая лебедь, а с другой – девушка. Мне было видно только лебедь и длинные развевающиеся волосы статуи. Покрытая мхом и плесенью птица казалась грязной, как и ее хозяйка.

– Идем! – дернул меня с раздражением за руку и втолкнул за дверь.

Видимо, здесь только начали делать ремонт и успели лишь несколько комнат привести в нормальный вид. Мебели практически нет. В гостиной голый, кирпичный камин, напротив него кожаный диван и вместо стола какая-то тумба. На тумбе пустые бутылки из-под спиртного, полная пепельница. Об одну из бутылок я споткнулась и чуть не упала, но меня придержали за шкирку. Подошва туфель раздавила стекло, и я вздрогнула, так как хруст эхом прозвенел на весь дом.

Логово зверя. Самая настоящая берлога. Похоже, он проводил здесь очень много времени, даже жил. Только не знаю, как можно было жить в этом скелете…да, этот дом напоминал мне разложившийся труп с гнилыми внутренностями. Окна покрыты пылью и паутиной. Ни на одном нет штор, но их завесили какими-то тряпками, в некоторых местах тряпки сползли, и я видела тусклое стекло. На полу пятна и разводы грязи. Возле стены валяются пустые коробки из-под

фастфуда. А вдруг он привозит сюда своих жертв и здесь их насилует, и убивает? Мороз прошел по коже, и я стиснула сильнее пальцы в кулаки.

О боже! Я не хочу здесь быть. Неужели он запрет меня в этом ужасном месте? Словно в ответ на мои мысли монгол протащил меня через гостиную к комнате и втолкнул в нее. Это оказалась спальня. Все такое же запущенное, половина пола выложена зеркальным мрамором, но он настолько грязный, что эта грязь катается мелкими комками от дуновения ветра в приоткрытое окно. Посередине комнаты стоит двуспальная кровать. Постель заправлена покрывалом, и мне страшно подумать, сколько времени его не стирали. Возле окна голый комод. На комоде настольная лампа и тоже пустые бутылки. Электрические провода валяются на полу, их не успели спрятать и заштукатурить стены. На меня смотрит голый кирпич. Несмотря на то, что сейчас лето, в доме невыносимо сыро и холодно. Я поежилась, обхватывая себя за плечи.

– Здесь жить будешь.

Сказал, как отрезал, швырнул мою сумку с вещами на пол и подошел к окну, захлопнул его и поправил тряпку так, чтобы было не видно двор, затем включил свет. Под потолком оказалась большая хрустальная люстра и желтое свечение залило помещение. Какое жуткое сочетание недостроя и роскоши. Тонкая сеточка пыли теперь напоминала слой серого меха. И свет не добавил красок, а лишь создал еще более мрачную и холодную атмосферу.

– Как здесь жить…

– Как я скажу.

Сдернул покрывало с постели, и под ним оказались шелковые белые простыни. На первый взгляд чистые.

– Все, что надо, сюда привезут уже сегодня.

Прошелся по комнате обратно к двери и плотно ее закрыл, чем вызвал во мне состояние, близкое к истерике. Я невольно попятилась от него назад. Сейчас при свете, когда я заперта с ним в тесном пространстве, он кажется мне еще больше. Рубашка обтягивает его мощные руки, и из-под закатанных рукавов видны толстые вздувшиеся вены, жгутами тянущиеся к запястьям. На костяшках

пальцев засохшие корки. Один удар этой руки, и моя голова сразу же лопнет. Но самыми жуткими были его глаза…

– И что мне здесь делать? – тихо спросила и судорожно глотнула сырой воздух.

– Раздвигать ноги и делать вид, что тебе нравится, когда я тебя буду трахать.

От одной мысли о том, что он приблизится ко мне, не то, что тронет, стало не просто не по себе, а я захлебнулась от ужаса.

– Отпустите меня…зачем…зачем… я вам?

Когда я это произнесла, он резко обернулся, в два шага оказался возле меня и, схватив за лицо, впился в меня безумным взглядом. Он отчаянно что-то искал. Его даже начало трясти от предвкушения.

– Скажи это еще раз, – хрипло приказал и сильнее сдавил скулы, – повтори слово в слово.

– Зачем… я вам?

Повторила и онемела от его близости. Раскосые, совершенно черные глаза полыхали огнем и пожирали мое лицо. Он жуткий, и в тот же момент есть в этой жуткости звериная красота.

– Я тебя захотел. – сказано глухо…на выдохе.

Никогда раньше не понимала значения этих слов. Хотеть можно пить, есть, какую-то вещь. Но сейчас, глядя в эти черные узкие дыры, в которых плескалось мое отражение… я поняла. Можно хотеть сожрать человека, сломать, разорвать. Хотеть давить и мять его плоть. Вот так он меня хотел. И от этого становилось жутко. Никто и ничто не помешает ему это сделать. Хан вдруг резко развернул меня спиной к себе, толкнул вперед к кровати.

– Пожалуйстааа! – вырвалось из самого горла. Как быстро. Я не ожидала… я надеялась, что это произойдет позже. Когда-то потом…не сегодня.

И мне страшно даже начать сопротивляться, страшно, что он может переломать мне позвоночник или шею одним легким нажатием. Наклонил за затылок, лицом в постель. Задрал платье на поясницу, дернул колготки так, что они с треском разорвались и пошли дырками и стрелками. Меня никогда и никто не трогал. Не видел голой. Я боялась опозорить Шамая. У них было непринято до свадьбы…С Пашей целовалась, и то даже поцелуем трудно назвать.

Хан стянул мои трусы под колени и уже через секунду заполнил меня пальцем. Очень больно, очень быстро. От неожиданности и резкого дискомфорта из глаз брызнули слезы.

– Целка!

Прозвучало как-то разочарованно…но в то же время с голодным похотливым придыханием. Толстый холодный палец растянул сухую плоть, и теперь там жгло и щипало.

– Пожалууйстааа! – меня трясло в истерике, и я царапала ногтями по простыням, содрогаясь всем телом. – Пожалуйста…!

Вытащил палец, и я услышала звук расстегиваемой ширинки. Меня захлестнуло паникой, и, почувствовав свободу, я быстро поползла к другой стороне кровати. Меня схватили за лодыжку, подтянул к себе, разворачивая на спину.

– Я не могу так….не надо…должно быть не так….должно быть обоим хорошо. Я вас не знаю….совсем. Я бы, может, и захотела, но не так.

Замер на какое-то время, продолжая смотреть мне в глаза. Он очень тяжело дышал, и я видела, как быстро раздуваются его ноздри и двигаются желваки на выступающих скулах под жесткой неухоженной щетиной. Схватил меня за шею и пригвоздил к постели, другой рукой дернул корсаж платья. Я перехватила разорванные края ткани, но он насильно развел мои руки в стороны и ошалевшим взглядом уставился на мою грудь. Задышал быстрее, лицо исказилось, как от нечеловеческой боли, и он раздвинул мне ноги коленом.

– Не надо…если вы это сделаете, я умру…я просто умру.

Вцепилась в жесткие каменные плечи, пытаясь оттолкнуть. Это все равно что пытаться сдвинуть скалу.

– Не умрешь. Не будешь дергаться – не порву.

Подхватил ногу под колено, разводя в сторону, придавливая к кровати.

– Я себя убью! – выкрикнула с рыданием.

Взгляд перестал быть затуманенным адской похотью и застыл на моем лице.

– Я… я сама…я захочу сама, пожалуйста!

Упираясь руками ему в грудь и чувствуя, как бешено и дико колотится его сердце…

****

– За тобой никто не следил?

– Нет. Сейчас все заняты предстоящим пиршеством по случаю дня рождения его младшего ублюдка.

– И?

– Все по плану. Он клюнул. Забрал ее в тот недостроенный сарай, как я и думала.

Высокий, крупный мужчина с тонкой бородкой и длинными черными волосами сел в кресло и поднес ко рту пиалу, отхлебнул чай с молоком. Его масляно-голубые глаза, так не вписывающиеся в азиатский разрез, сверкнули.

– И?

– Она его боится и ненавидит, как мы и рассчитывали. Зази поработал на славу. Я знала, что он лучший в своем деле.

Мужчина взял руками жирный рис с кусками мяса и отправил в рот. Масло потекло по его усам, и один из стоящих рядом слуг промокнул их салфеткой. Его за это отшвырнули в сторону.

– Я вложил в это дело целое состояние, я рисковал и, если хотя бы что-то обломается, я лично раздавлю твою голову, как орех.

Женщина усмехнулась полными сочными губами и приблизилась к столу. Она боялась и одновременно с этим восхищалась этим жутким человеком. Единственным, кто в своей жестокости мог переплюнуть ее племянника и отца. Тварей, которые ее предали и вышвырнули, как последнюю шавку.

– Я должна была вернуться в этот дом. Он принадлежит мне. Отец выжил из ума и во всем потакает своему любимому внуку, приютил эту русскую тварь и нянчится с ее детьми. Я хочу, чтобы их жизнь превратилась в ад, хочу, чтобы они все сошли с ума от боли и от горя. И….я хочу, чтобы это сделала ОНА. Не в этом ли высший смысл мести? Но на все нужно время.

– А если он ее вышвырнет? Если ты сделала пустую ставку, и Хан, убедившись, что это не его жена, попользует ее и свернет ей шею?

– Не свернет!

Цэцэг села на стул напротив и положила пухлые ладони на край стола. На пальцах-обрубках сверкнули фамильные перстни Дугур-Намаевых. Это единственное, что отец не посмел отнять. Перстни, подаренные старшей дочери матерью.

– Он никогда не будет уверен в этом до самого конца. Это будет сводить его с ума. Отталкивать и притягивать. Я хорошо изучила своего племянника. Ведь можно стереть родинки, восстановить девственность, но куда деть манеру речи, жесты, привычки. Он будет сомневаться всегда…мучить ее, себя и дуреть. Они все увязнут в этом сюре.

Ее глаза фанатично засверкали, и она сжала руки в кулаки. Этот план был выношен и выпестован ею в изгнании. Она обдумывала каждый пазлик, каждую молекулу этого пазлика. Она нашла таких людей, которые высчитали и выверили

для нее все.

– Мне плевать на твою месть, Цэцэг. Я не затем тебя кормил и давал тебе деньги. Мне нужны шахты, нужны прииски. Я хочу свергнуть империю Дугур-Намаевых. А ты получишь за это прекрасные отступные, которых хватит даже твоим правнукам. Я хочу, чтобы эта перекроенная кукла, которую лепили лучшие доктора и психиатры, сделала свое дело!

– Для этого она должна возненавидеть его еще больше…А он преуспеет в этом на все сто процентов, когда будет драть ее насильно в своем лебедином сарае…Драть свою лебедь и не понимать, что уничтожает все своими же руками.

Она расхохоталась, когда лишь представила себе это. У нее защекотало под ребрами от удовольствия. Давно ничего так не радовало в жизни Цэцэг. С тех пор, как отец вернул этого ублюдка, она перестала радоваться.

– Ты должна ее хорошо обработать.

– Я приставлю к ней своего человека.

– Мне не нужны чужие люди. Сама.

Цэцэг нервно поджала губы. Это не входило в ее планы. Сама она хотела держаться в стороне. Месть местью. А попасть под руку ожесточенному, обезумевшему племяннику ей не хотелось.

– Он не подпустит меня настолько близко.

– А ты сделай так, чтобы подпустил. Через несколько месяцев эта сучка должна уничтожить своего мужа, сделать все, что я скажу. Иначе твоя голова первой слетит с плеч!

Рявкнул Борджигин и отшвырнул тарелку в сторону. Слуги тут же бросились убирать, подтирать и даже ополаскивать ему руки.

– Уничтожит…

– Я надеюсь на это. Не для того я ваял копию из оригинала и вкладывал в это столько денег. Твоя извращенная фантазия меня подкупила, и я согласился участвовать в этом фарсе. И…что насчет того оборванца, он в деле? Не передумал? В отличие от его братца?

– Мой отец умеет наживать себе врагов. Нет, не передумал, и когда будет надо, он выйдет на сцену.

– Сведи нас. Я хочу лично убедиться, что Дьявол на нашей стороне.

Откинулся на спинку кресла и облизал жирные пальцы.

Цэцэг его боялась. Мужчина, который равнодушен к женским чарам, опасен втройне. Его нельзя соблазнить и нельзя подставить. Говорят, Бор, когда-то очень давно подвергся кастрации. Его отец мечтал увидеть сына на оперной сцене. Старший сын должен был завладеть империей Сансар, а младший стать великим оперным певцом. Он просчитался. Неизвестные бандиты вырезали всю семью Сансар, как скот на скотобойне. Выжил только Бор. Злые языки поговаривают, что это он уничтожил своих родичей, ведь когда полиция ворвалась в дом, тринадцатилетний мальчишка сидел в луже крови и громко хохотал.

В восемнадцать Бор унаследовал все состояние Сансар….Он правил своей империей один. Говорят, у него были любовники и любовницы, но никто из них никогда не появлялся рядом с Бором. Бык. Так его называли люди. Никто и никогда не решался стать поперек дороги самому сильному и могущественному человеку в Монголии. Никто, кроме Дугур-Намаевых. У которых было не меньше могущества и своя огромная золотая империя.

В свое время Сансар хотел породниться с ними. Предложил в жены Тамерлану свою дальнюю родственницу…но сучий потрох женился на какой-то русской шалаве и отверг родственницу самого Сансара.

– Я хочу, чтобы они ползали передо мной на коленях. И хочу, чтобы сожрали себя изнутри. Если твоя русская, которую я возродил из пепла и слепил ей новую жизнь, не сможет оправдать вложенные в нее средства, я прежде всего раскрою Хану, кто подстроил взрыв на шахте, кто умыкнул его драгоценную супругу и кто подсунул ему ее же, но под другим соусом, и начал методично сводить его с

ума. Он сам тебя казнит. Что бы ты предпочла – чан с кипящим маслом? Пустыню? Четвертование? Выбирай, Цэцэг!

– ОНА ОПРАВДАЕТ!

– Я очень на это надеюсь!

Глава 4

Взаимная любовь – это какая-то мистика. Непостижимое волшебство. Иногда страшное, фатальное, необратимое, но от этого не менее прекрасное. Ведь оно связывает не связываемое, соединяет противоположности, сталкивает среди миллиардов всего лишь двоих и заставляет гореть одинаковым огнем. Пусть дотла и в пепел…пусть иногда до смерти, но все равно – это волшебство.

Восемь. Знак бесконечности Ульяна Соболева

Он искал смерть. Ему хотелось заглянуть в ее пустые глазницы и, схватив костлявую тварь за глотку, заставить показать ему, где она спрятала от него воздух.

Он ведь больше не дышал. Не мог. Ему казалось, что у него полный рот земли. Он сожрал ее там, в шахте, вместе с Птичкой. Вонючую, проклятую землю, поглотившую самое драгоценное из всего, что у него было. Просыпался по ночам, падал с долбаного дивана и, стоя на четвереньках, пытался выблевать эти комья из горла и не мог. Он доставал их руками, раздирал глотку в кровь, плевался ею, а оно все равно мешало. У него больше не осталось голоса, его гортань исполосована шрамами.

Дед сказал, надо к психиатру, но он послал деда к дьяволу. Ни один долбаный мозгоправ не сможет залатать ему развороченную грудину и вернуть обратно сердце, ни один из них никогда не сможет достать из его горла сожранную землю…Пока не воскреснет Ангаахай, он будет задыхаться.

Помогало только пойло. Адское бешеное пойло. Он покупал самый высокий градус. В основном абсент, и заливал им забитую землей глотку. Ненадолго она прочищалась, а ему начинало казаться, что он наконец-то дышит.

Падал на спину, весь мокрый, задыхающийся, удерживая в руках бутылку, и стонал от бессилия и облегчения, сплевывая кровавую слюну и закатывая глаза.

– Ты сопьешься. Ты стал гребаным алкашом. Ты забыл, что у тебя дети, шахты, дом…

– У меня ничего нет…вот здесь пусто, а на зубах скрепит грязь, – отвечал хрипло склонившемуся над ним деду, – я слышу их голоса, моих маленьких мальчиков, видит дьявол, я люблю их. Безумно люблю…но они далеко и не могут достать меня из ямы. Я пытаюсь…и все равно не могу.

– Ты нужен своим сыновьям.

Обреченно повторял дед, но он его уже не слышал.

– Знаю… – шептал со стоном, закрывая глаза и чувствуя, как начинает засыпать, как проваливается в пьяный сон, который принесет ненадолго облегчение.

Ему нужно было ее увидеть. ПРОСТО, МАТЬ ВАШУ, УВИДЕТЬ! Стало бы легче. Стало бы не так раздирающе больно…Это же так ничтожно мало. Даже не тронуть, а увидеть. Издалека.

«Увидеть, маленькая, дай мне тебя хотя бы увидеть. Приснись мне….покажись, сведи меня с ума, появись в окне, на дороге, в клетке с тигрицами. Где угодно…Сведи меня с ума…Умоляю…Я хочу стать долбаным безумцем, которого преследует твой образ»

Но смерть не живет там, где он выхаркивает кровью одно единственное имя, она не приходит к нему и не опускается с ним на пол, туда, где он корчится от боли и орет, согнувшись пополам и ломая ногти.

Но он знает, где ее можно найти. На ринге. Там, где за нее готовы платить много денег. Кто-то сказал, что смерть бескорыстна. Нееет. Это жадная сука. Она

любит звон золота, роскошь, кровь, грязь и похоть. Она озабоченная извращенная шлюха, которую тянет всегда туда, где отвалят побольше бабла.

И на ринге этого хватало сполна: денег, грязи, похоти и крови.

Он выходил драться и знал, что в очередной раз, когда противник будет корчиться в его руках, молотить кулаками по полу, дергаться в агонии. Он будет смотреть ему в глаза и спрашивать у Смерти:

– Где она? А? Покажи ее мне! Слышишь, сука! Покажи ее мне, и я отдам его душу тебе! Клянусь!

– Пощадиии! – умоляет соперник.

Он слышит дикие хрипы, смотрит в расширенные зрачки…а потом его словно бьет током, и он оборачивается. Пальцы разжимаются, и ему кажется, его самого только что ударили под дых. Врезали со всей дури так, что он широко раскрыл рот и задохнулся.

Она…она его услышала. Смерть…услышала…Или ему кажется?

Отбросил задыхающегося ублюдка и бросился к сетке. Ему плохо и больно. Он от боли не может вдохнуть, он онемел, и его огромное потное тело трясется от неверия, шока и сумасшедшей радости.

«Только не исчезай…нетнетнет…не исчезай! – кричит внутри, а сам смотрит в это лицо…лицо Ангаахай. Такое нежное, ослепительно красивое с этими широко распахнутыми глазами и приоткрытым розовым ртом. Вот она. До нее можно дотянуться рукой. И тронуть. А ему страшно. Вдруг тронет, она исчезнет…

Она ему кажется. На самом деле ее нет. Это галлюцинация. У него дикое похмелье, и поэтому он ее видит. Бьет соперника и не может отвести взгляд. Там…на трибунах, среди орущей толпы сидит она. У нее золотые волосы, белоснежная кожа и тонкие руки. Она не призрак…Она улыбается, трогает свои волосы, что-то говорит девчонке, которая сидит рядом. И…убивает его этим. Он раздавлен, разодран этим сходством. Смотрит, хочет найти отличия, убедиться, что ему показалось, а этого не происходит. Поворот головы, блеск глаз, взмах

руки и скрещенные скромно ножки. Завиток золотых волос падает ей на лоб, и она убирает его таким знакомым движением.

И он сейчас сдохнет, если перестанет на нее смотреть.

Заметила, что он следит за ней обезумевшим взглядом, и бросилась от него прочь, а он заорал от безумного разочарования и кинулся ей вслед. Перепрыгивая через заграждение, расшвыривая чокнутых шлюх-идиоток, трясущих голыми сиськами и виснущих на нем, как пиявки.

За ней. Схватить. Ощутить в своих ладонях и понять, что это…не Ангаахай. Вот что ему нужно, чтобы успокоиться. Убедиться, что это не она, унять адское сердцебиение.

И…этого не происходит. Он видит, он точно видит перед собой ее лицо, слышит ее голос, чувствует запах. Но в то же время понимает, разумом прекрасно понимает, что это же не она. Ее взгляд орет ему об этом. В глазах копии нет любви. Там не живет его отражение. В них ужас, презрение и некая брезгливость.

И от этого больно втройне. Как будто…как будто она разлюбила, как будто его не просто обманывают, а сводят намеренно с ума. Ему хочется одновременно ударить и прижать до хруста к себе. Завыть от радости и от боли.

Втащил в гримерку и содрал тряпки, чтобы убедиться. Увидеть на ней родинки, увидеть шрамы. Понимая, что их не будет. Чувствуя, что их там не может быть, и хрипя от отчаяния, когда не нашел. Но взгляд цепляет все – и вздернутую полную грудь с набухшими сосками, и тонкую талию, и его член не просто каменеет, он дергается от боли и от бешеного возбуждения, как будто ему вкололи какой-то допинг. Ему нужно водраться в ее тело. Зверь учуял запах своей персональной наркоты, его ломает от голода, его корежит от дикого желания получить дозу любой ценой. Пусть даже такой.

Только разочарование морозом проходит вдоль позвоночника. Потому что взгляд так и не находит ни родинку на лопатке…ни маленькую родинку под грудью. Дьявол! Оказывается, он запомнил именно их…точнее, он помнил, что они были, но не помнил, где именно. Но ведь были еще. Он же мог когда-то их сосчитать. И сейчас лихорадочно вертел ее тело, чтобы найти, и злился, трясся от понимания,

что не найдет.

Только руки уже впились в нежное тело, вспомнили вкус адского наркотика, и пальцы не разжимались. Он не мог ее выпустить. Хотел. Понимал, что…ошибся и нужно отпустить. Но когда она сбежала, осознал, что отпускать не собирается. ОН ХОЧЕТ ЕЕ СЕБЕ! СЕГОДНЯ! СЕЙЧАС ЖЕ!

***

– Да, сходство есть, но нах она сдалась тебе?

Арсен вытирал пот с его лба, промакивал разбитые губы. Его тренер, его доверенное лицо и человек, который выполнял для него любое задание. Преданный настолько, что мог разрезать себе горло ради Хана.

– Через час хочу знать, кто она, чем дышит, как зовут. Через два хочу сидеть у нее дома. Через три хочу везти ее в своей машине.

Сказал и понял, что да. Он этого хочет. Что сегодня впервые у него во рту не было комков земли, и он не запихивал в глотку пальцы, чтобы их достать.

– Ну если Хан хочет, значит все будет!

Сказал Арсен и достал из кармана спортивных брюк сотовый, набирая чей-то номер.

У него дежавю. Как она стоит перед ним, дрожащая, испуганная и…чужая. Только тогда не было больно, а сейчас от этой боли дрожит все тело. И не только от боли. От ненависти и презрения тоже дрожит. К ее семье…

Едва он вошел, как увидел этот страх. Этот суеверный ужас на их лицах и раболепное преклонение. Он сразу понял – они согласятся на что угодно. Монголы. Справки навел еще заранее. Переехали сюда полтора года назад. До

этого их особо никто не знал. То ли из Монголии, то ли еще откуда. Он сильно не интересовался. Ему было на них насрать.

Только поинтересовался – откуда девчонка. Удочерили. Сидят, смотрят на него. Боятся. Обещают, что скоро она домой приедет с дочерью их. На стол носят угощения, выпивку наливает. Он не пьет. Сегодня ему пить не хочется. У него адреналин шкалит без выпивки.

Свой допинг он увидел вживую. Это было похлеще абсента, круче дозы наркоты…Он бы присел на этот яд, но что-то удержало. Наверное, мысли о детях и о смерти. Под наркотой ринг станет ему недоступен. А он хотел заглядывать суке в глаза. Ему нужно было ощущать ее дыхание рядом и приближаться так близко, чтобы требовать от костлявой шлюхи честный обмен.

В дом когда вошел, они засуетились. Шамай и жена его. Запах деликатесов и пряностей. Явно к чему-то готовятся.

– Кого ждете?

Спросил и кивнул на накрытый праздничной скатертью стол.

– У нас скоро гости. У дочери…

– Отменяй своих гостей. Я твой гость. Самый главный.

Шамай глазами шлепает, нервничает.

– Так уважаемые люди придут. Подарки принесут. Праздник ведь.

– Без подарков обойдешься. Отменяй гостей, переноси на другой день.

Закивал, руки молитвенно сложил.

– Как скажет господин.

Раболепное ничтожество. Он уже по глазам видел – отдадут и не моргнут. Будь он на их месте – вышвырнул бы такого гостя нахрен. Даже ценой своей жизни.

– Чего хочет наш почтенный гость?

– Заткнись!

Взмахом руки, и они замолкают. Надолго. Только смотрят на него и воняют липким потом ужаса. А он ждет. В предвкушении, в дичайшем возбуждении. Его зверь расправил плечи и ведет носом, принюхиваясь к ее запаху. Он здесь есть. В этом доме.

– Почему так долго? – с раздражением, поглядывая на хозяина дома.

– Гуляют…сегодня праздник и..

– Позвони – пусть домой едет.

– Сотовый отключен. Луси звонила.

Он ее, как зверь, учуял. Еще в дом не вошла, а у него уже в висках запульсировало, и нервы натянулись внутри, как струны. А когда вошла, кипятком обдало. Похожа. Так похожа, что его трясет, как в лихорадке. Когда в комнату ушла, он за руку Шамая схватил.

– Не выйдет сюда – я здесь один пепел оставлю.

– Выйдет.

Уверенно ответил Шамай, и Хану захотелось свернуть ему шею. Продал, как овцу. И поторговаться не забыл. Жадная тварь. А девчонка явно согласна, потому что за них боится…Дура.

Ангаахай когда-то такой же была. Сердобольной.

И правда, вышла. Испуганная, бледная. А у него внутри кипящая лава разливается. Он в эйфории. Отодвигает и гонит мысли о том, что это копия. Сейчас ему плевать.

Он хочет суррогат, иллюзию, хочет похожий вкус. Ему надо. Жизненно необходимо.

В дом везет. В тот самый… в свое убежище, логово. Единственное место, где может существовать, где может орать и выть, где может превращаться в зверя. Никого раньше не привозил. Шлюхи не возбуждали, любовниц не было. Пытался найти похожую. Даже кружил по вокзалам и злачным местам. Выискивал. Несколько раз возил в гостиницу. Разденет, и член падает. Они сосут, трут руками, грудями, задницами, а у него не стоит.

Думал, дело в алкоголе, но на трезвую вообще не мог. Тошнило от них. Как будто со смертью Ангаахай в нем умер мужчина, и остался злобный, дикий и сошедший с ума зверь.

Нет, он кончал, он напивался, представлял ее себе и кончал. С ее образом, с ее запахом, с ее голосом. Включал записанное с автоответчика сообщение, швырял на постель ее свадебное платье и, зарывшись в него лицом, яростно и быстро дергал рукой, зажав каменный член в кулак, сцепив зубы и зажмурив глаза. Пока образ не исчез. Потом орал от злости и разочарования.

«Ты сегодня когда будешь дома? Я жду…я так соскучилась, я так изголодалась по тебе, Тамерлан…Хочу, чтобы ты приехал и сделал мне хорошо…языком, руками…членом»

Единственное сообщение. Такое откровенное. Но оно для него, как реликвия.

Но сейчас этот голос…он похож. Потом он заставит ее говорить и сравнит их. Но сейчас. У него стоял, у него яйца буквально разрывало от возбуждения. Первая эрекция на живую женщину, спустя столько времени.

Тащит ее, как в пещеру, чтобы закрыть, чтобы посадить на цепь. Его игрушка. Словно сделанная на заказ.

Сейчас ему нужно только одно – содрать с нее тряпки и взять. Ощутить ее целиком. Войти в женское тело. Он даже не слышит, что она кричит, ему плевать на сопротивление. Он голоден, он настолько голоден, что кажется, может кусать ее тело до крови. Чтобы запах стал сильнее, чтобы пить ее, жрать, трахать.

Но…но он слишком похож. Ее голос. Он мешает. Он не дает взять. Ему хочется ударить ее, чтоб заткнулась. Перевернуть на спину и закрыть глотку ладонью. Протиснуться между ее ног, между розовых складок и…

– Отпустите меня…зачем…зачем… я вам?

Эхом, плетью по самому сердцу. Оно, оказывается, там есть…оно есть, и оно вскрывается, оно начинает кровоточить. Хан сжимает ее лицо и всматривается в него. Ему нужно увидеть…найти искорку, зацепиться…

– Скажи это еще раз, – хрипло приказал и сильнее сдавил скулы, – повтори слово в слово.

– Зачем… я вам?

Ангаахай когда-то спрашивала то же самое. И он знал, зачем она ему. Он ее захотел. Захотел так, как не хотел ни одну женщину до…и как не смог хотеть ни одну женщину после. Кроме этой. Которая так похожа. Которая каким-то дьявольским образом пахнет, как она, говорит, как она, и дышит, как она.

– Я тебя захотел. – сказано глухо…на выдохе. И понял, что больше не может ждать. Ему надо вдолбиться в нее сейчас же.

– Пожалуйстааа! – невыносимый крик, от которого хочется зажать уши.

Сдёргивает с нее трусы и не выдерживает. Врывается пальцами и закатывает глаза одновременно от разочарования и возбуждения. Как будто вернулся на много лет назад. Когда точно так же впервые ввел пальцы в ЕЕ тело.

– Пожалууйстааа!

Гребаное пожалуйста мешает, злит, сбивает с толку. Он не хочет ее слышать и не хочет видеть. Он хочет трахать. У него впервые так стоит. До боли, до разрывающей, адской боли.

– Я не могу так….не надо…должно быть не так….должно быть обоим хорошо. Я вас не знаю….совсем. Я бы, может, и захотела, но не так.

Хорошо…обоим…Хорошо.

И снова развернул к себе, впиваясь в ее глаза. Он сдерживает зверя, так что буквально слышит, как хрустят его кости. Задушить сучку, чтоб не говорила ее голосом, чтоб не воровала ее слова. Сжал горло, а сам озверел от вида ее голой груди. Сопротивляется. Плевать. Он уже не владеет собой.

Не слышит ее.

– Я себя убью! – выкрикнула с рыданием.

И он застыл. Увидел перед собой голубые глаза, наполненные слезами и его отражение в них. Хватка на ее горле ослабла. Пальцы свело судорогой.

– Я… я сама…я захочу сама, пожалуйста!

А он смотрит и не может отвести взгляд от своего искаженного лица, от этого собственного звериного взгляда в глубину ее глаз. И ему кажется, что…что это те самые глаза. Как он потом в них посмотрит…если сделает это? Он хочет…хочет, чтоб сама. Отпрянул, схватил за руку и положил на свой каменный до боли член.

– Давай! Сама!

Она смотрела на его член с нескрываемым ужасом. Но все же протянула руки и взялась за него у основания.

Воздух вырвался со свистом из горла, и Хан впился в нее диким взглядом. Вцепился с такой силой, что казалось, стоит закрыть глаза, и он сдохнет. Вот что его возбуждало. Она сама. Весь ее вот этот облик. На коленях, с распущенными

по плечам золотыми волосами, белой кожей, с его членом в розовых пальцах. Они кажутся маленькими, ее ладошки, в сравнении с его плотью. И…она явно не знает, что с ним делать. Долбаный повтор. Как начать все сначала.

Перехватил ее руку, стиснул ею член и повел вверх-вниз, содрогаясь от удовольствия и ведя головой от запредельного кайфа. Его подбрасывает даже от касания ее кожи. Просто от ощущения каждой поры, и он наблюдает, как налитая кровью головка скрывается под их ладонями. Его темно-смуглой и ее белоснежной. Быстрее и быстрее двигает их руками и смотрит, как по ее щекам катятся слезы. Они его бесят и возбуждают. Потому что картинка так похожа на оригинал, что ему от этого и тошно, и радостно одновременно. Прихватил ее за волосы на затылке, нагнул ниже к яйцам. Когда-то она делала это сама. Ласкала его, обхаживала. Любила в нем все. Его член…она смотрела на него с любовью. Да на каждую часть его тела смотрела с любовью. Облизывала каждую вену, покусывала у самого основания и трепетала кончиком язычка в дырочке на головке, слизывая капли нетерпения. Или заглатывала его, с трудом пропихивая в свой маленький, но такой горячий рот…И он, сука, чувствовал, что любим ею. Чувствовал, что даже его сперму глотают с упоением и счастьем, что его пот вдыхают с фанатичной страстью. И…и вот это похожее лицо создавало иллюзию, от которой становилось легче дышать.

– Лижи. – приказал и подтянул ниже так, чтоб лицом уткнулась ему в мошонку. Под пальцами нежнейший шелк – ее волосы. Если закрыть глаза, то на ощупь шелк точно такой же…или это Хан сошел с ума. Он не стискивает сильно, он перебирает их, но не дает ей отстраниться.

Ему хорошо. Ему охренительно хорошо. Ощущать слабые касания острого язычка, сдавливать член ее пальцами и приближать себя к концу. Он возьмет ее позже…Всегда успеет. Она никуда от него не денется. Он ее купил. Себе и только себе. Но ощущение грязи не проходит…Ощущение, что когда-то было не так, что он попробовал не так, и вот этого теперь никогда не достичь…но все отходит на второй план. Голод слишком силен, чтобы сравнивать детально…Злость о несбывшемся подхлестывает похоть, а похоть вгрызается в глотку зверю, и он скулит от жажды и желания драть свою добычу. Жертва побуждает обращаться с ней, как с жертвой, а не равной. Представил, как насадит ее маленькой узкой дырочкой на свой член, и закатил глаза от удовольствия. Сдавил головку ее ладошкой, задвигал руками с адской скоростью и зашелся в рыке, кончая ей на руки, на волосы. Его разрывает от оргазма. Его просто раздирает от него на части.

А потом осознанием, что это другая. Похожее мясо. Нужное ему лишь в качестве лекарства. Хорошего такого антидепрессанта. Он будет с ней играть и с ее помощью выбираться из ямы. Вот для чего она появилась в его жизни – чтобы он мог подняться со дна, в которое упал со смертью своей птички. Оттолкнул девчонку, потеряв интерес, и, дав указание охране, вышел из дома. Игрушка стоила оплаченных денег. Она давала передышку, которой не было даже от адского пойла. В горле больше не стояло комков грязной слизи. Надолго? Неизвестно.

Но Хан впервые не хочет надраться до полусмерти. Пока не хочет. У него эйфория. Он под дозой, и его прет. Его мысли впервые ясные, голова трезвая, и ему надо домой.

***

Первым делом пошел к кошкам. Он по ним скучал…Ощутил это всепоглощающее гложущее марево, когда увидел, как две тени мечутся по вольеру. Черная и белая. Беснуются, прыгают. Учуяли его и радуются приезду хозяина. Его девочки. Он совсем их забросил. Чувство вины затопило изнутри и заставило идти быстрее.

Дернул замок на клетке, открывая и выпуская тигриц. Но они странно себя повели. Занервничали. Особенно белая. Джая. Его любимица. Она скулила. Она нюхала его руки, одежду, запрыгивала на него и заглядывала ему в глаза. Как будто хотела что-то сказать. Металась и снова бросалась в клетку, потом выбежала в сад и пронеслась несколько раз по дорожке, словно выискивая кого-то, и снова вернулась к Хану, заглядывая в глаза.

– Что, девочка? Что не так? Меня долго не было? Да?

Она смотрит светло-голубыми глазами и перебирает мощными лапами, потом склоняет голову к его рукам и преданно лижет длинным языком, толкается лбом ему в колени.

– Соскучилась, да? Все изменится. Я вернулся.

Но она снова отпрянула и тоскливо посмотрела куда-то ему за спину. И…и он словно ощутил, по ком она тоскует. Потрепал тигрицу между ушей.

– Я один…она больше не вернется. Не ждите ее. Ее нет.

Сказал жестко и загнал кошек в вольер, а сам прошел твердой походкой по дороге к дому. Интересно, что там делает старый скорпион? Кажется, от собирался отбросить копыта еще лет пять назад. Ложь – его второе имя.

Дверь оранжереи была открыта, и рядом с дедом Хан увидел дочь и двоих сыновей. Внутри все сжалось, задрожало, и ему…ему захотелось трусливо сбежать. Развернуться и уйти куда угодно, лишь бы не видеть вот этого взгляда Эрдэнэ… а еще…еще ему казалось, что она может почувствовать, что Хану было сегодня хорошо. Ощутить запах измены…Он и сам его ощущал. И…в то же время ни о чем не жалел. У него все еще покалывало кончики пальцев от удовольствия. Он чувствовал себя живым…и еще он точно знал, что наркота теперь у него дома. Закрыта под замок и надежно спрятана. Он может в любой момент прийти и сожрать свою дозу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/padenie-hana

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить